

формулы: ср., например, в варианте А — девушка должна притти „ни пешком, ни на лошади, ни на саях, ни на телеге“ и пр.

Можно с уверенностью говорить о том, что автор повести о Петре и Февронии пользовался при создании повести не непосредственно сказкой о мудрой деве, а легендой о Февронии из села Ласково, возникшей на основе этой сказки.

Выше мы привели уже фрагменты легенды о Февронии из села Ласково. Как ни бедны они, но одну, — пожалуй самую характерную, черту процесса превращения сказки в легенду они засвидетельствовали: сказка постепенно обростала рядом народно-поэтических легендарных черт, взятых из разных сказаний. Так проникла в нее эпическая формула проклятия Февронией своих односельчан за насмешки над нею, рассказ об „ореховом кусте“ и пр. Это был изменчивый, подвижной, недостаточно прочно сраставшийся с основной сказочной тканью материал, о чем свидетельствует то обстоятельство, что все три известные нам остатка легенды из села Ласково (записи Н. Любомудрова, Рязанского ИНО и вторая часть повести) сохранились в разном составе.

Какими же народно-поэтическими легендарными чертами осложнился сказочный прототип повести, прежде чем он получил литературную обработку? Запись Н. Любомудрова, подобно повести, знает эпизод, содержание и смысл которого в фольклористике принято условно передавать словами „все женщины одинаковы“: очевидно, он проник в сказку о мудрой деве в момент перехода ее в легенду о Февронии из села Ласково. Он хорош известен в фольклоре народов СССР. Мы встречаем его в ряде сказок и легенд.¹ Особенно же близко к повести он изложен в псковском сказании о княгине Ольге в записи П. Якушкина.

„...В той деревне Лыбуше родилась царица благоверная российская Ольга; родилась она в крестьянском звании и была перевозчицей; а за тем, что горазд из себя красавица была, да и горазд хитра была — царицей сделалась, а там во святые вошла... Раз перевозит она князя Всеволода... Увидал Всеволод Ольгу и помыслил на Ольгу; а этот князь был женат. Стал тот князь говорить Ольге, а Ольга ему на те его на пустые речи ответ: «Князь, зачерпни рукой справа водицы, испей». Тот зачерпнул, испил. — «Теперь, — говорит Ольга, — теперь, князь, зачерпни слева, испей и этой водицы» — Князь зачерпнул и слева водицы, испил. «Какая же тут разнота: та вода и эта вода?» — спрашивает Ольга у князя. — «Никакой тут разноты нет, — говорит князь: все одна вода». — «Так, — говорит Ольга, — что жена твоя, что я, для тебя все равно». Князь Всеволод зарделся, замолчал и отстал от Ольги...»²

В этом сказании по смыслу, композиционно и стилистически эпизод „все женщины одинаковы“ стоит очень близко к соответствующему месту второй

¹ См., напр., К. М — с. Башкиры, Русская жизнь, 1892, № 265, стр. 4; Ф. Э м и н. Нравоучительные басни. 3 изд., СПб., 1793, стр. 15—23; Д. К. З е л е н и н. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914, стр. 447—449; П. И. Из области малорусских народных легенд. Этногр. обзор., кн. XVII, 1893, № 2.

² П. Я к у ш к и н. Путевые письма из Новгородской и Псковской губерний. СПб. 1860, стр. 155—157.